

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ОБСУЖДЕНИЕ ПРОБЛЕМ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В СОВРЕМЕННОМ КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ В ТОМСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ ПЕДАГОГИЧЕСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ (2–3 НОЯБРЯ 2006 г.)

2–3 ноября 2006 г. кафедра литературы филологического факультета провела ставшую традиционной IV Международную научную конференцию «Русская литература в современном культурном пространстве». Она собрала, как это было задумано ее организаторами в самом начале, исследователей литературы и преподавателей отечественной словесности. На приглашение откликнулись ученые-филологи не только России, но и ближнего зарубежья – от Таллина до Шимкента, но прежде всего – из сибирских городов: Кемерово, Новосибирска, Омска, Барнаула, а также школьные учителя, главным образом томичи. Работа конференции проходила в русле пленарного заседания и пяти секций.

На пленарное заседание были вынесены доклады по наиболее активно обсуждающимся сегодня проблемам изучения и преподавания литературы. Рабочая его часть началась докладом *Н.О. Ласкиной* (Новосибирск) «Русская проза в литературной рефлексии западных писателей XX века: к истории влияния», в котором был рассмотрен такой важный аспект взаимодействия между русской и зарубежной литературами, как интерпретации европейскими писателями актуальных для них русских текстов. На примере эссеистики М. Пруста, В. Вульф и Н. Саррот докладчица проследила модификацию представлений о роли русской литературы в развитии модернистской прозы соответственно смене литературных эпох и разности индивидуальных авторских систем.

Доклад *Т.Л. Шумковой* (Нижевартовск) «Ирония на стыке культур: повесть И.А. Гончарова “Счастливая ошибка”» был посвящен феномену бидермайера как промежуточного этапа между романтизмом и реализмом. В центре внимания была ироническая позиция автора по отношению как к герою, так и к читателю, знаменующая его прощание с романтизмом и выработку новых литературных позиций.

Два доклада были посвящены классике русской литературы XX в., чья позиция последние десятилетия вызывает дискуссии, В. Маяковскому. *Е.В. Тырышкина* (Новосибирск) обнаружила в стихотворении «Несколько слов о себе самом» («Я люблю смотреть, когда умирают дети...») па-

радоксальное сближение и расхождение с позицией И. Анненского в понимании поэта как существа пограничного: если И. Анненский творил по законам классического искусства, соблюдая конвенции художественного текста, то В. Маяковский их нарушал, заставляя адресата с помощью риторических механизмов ощутить разрыв между искусством и жизнью и задаться неразрешимыми вопросами о природе творчества. *В.Е. Головчинер* (Томск, ТГПУ) показала соотнесенность стихотворения «Хорошее отношение к лошадям» с произведениями русской классики: трансформации ситуаций, героя и общность гуманистического пафоса.

А.П. Казаркин (Томск, ТГУ) предложил свое видение содержания и основных задач нового в отечественном образовании курса «Литературное краеведение»; он полемически заострил проблему таких понятий, как «сибирский текст» и «литературная классика Сибири».

Завершил пленарное заседание доклад *Е.Н. Ковалевской* (Томск, ТГПУ) «Проектирование и организация диалога как педагогическая проблема»: она размышляла о возможностях формирования проектной компетенции студентов: смысловой акцент был сделан на развитии их культуры работы в диалоговой технологии.

Доклады на секции «**Русская классика: проблемы поэтики и новые интерпретации**» образовали несколько проблемно-тематических групп, соединяющих теоретический и историко-литературный аспекты исследования. Так, *И.Н. Гончаров* (Томск, ТГУ) в докладе «Драматическое начало в “Словах” Кирилла Туровского» продемонстрировал присущие древнерусской риторике элементы драматизации, *И.А. Поплавская* (Томск, ТГУ) размышляла о взаимодействии поэтической и прозаической художественности в творчестве М.Ю. Лермонтова. Творчество Лермонтова было представлено и в докладе *Н.И. Милевской* (Томск, ТГПУ), рассматривавшей тему грехопадения в произведениях поэта под углом зрения русской религиозной философии.

Проблемным ядром ряда выступлений стало художественное пространство. *М.А. Зенкин* (Томск, ТГУ) в докладе «Пространство как структурообра-

зующая категория в эстетике и поэтике Г.С. Батенькова» осветил творчество одного из ярких деятелей русской (и, что особенно существенно, сибирской) культуры, редко попадающего в поле зрения литературоведов, с точки зрения общетеоретических подходов к структурно-смысловому потенциалу пространственного мышления писателя. А.С. Молодых (Томск, ТГПУ) остановилась на оппозиции открытого и закрытого пространства в «сибирских рассказах» В.Г. Короленко, показав зависимость ее диалектического освещения автором от реальных особенностей Сибири, которые он познал на практике. Т.Ю. Колягина (Омск) в докладе «Сословный фактор в усадебной культуре с точки зрения А.С. Пушкина» связала акценты изображения дворянской усадьбы в пушкинских произведениях с социально-культурными представлениями поэта, отразившимися в его письмах и статьях. Е.В. Замятина (Томск) на материале цикла А. Погорельского «Двойник» рассмотрела специфику садово-паркового топоса в русской романтической фантастической повести. В докладе А.Ю. Саркисовой (Томск, ТГУ) «Поэтика пасторали в романе И.С. Тургенева “Дворянское гнездо”» демонстрировалось функционирование отживших художественных систем в условиях иной культурной ситуации.

Несколько докладов на секции объединялись проблематикой трансгенерационных отношений между членами одного семейства, внутри писательской династии. Так, В.А. Доманский (Томск, ТГУ) на примере В.Л. Пушкина и его гениального племянника проследил органичное перерастание диалога поколений в диалог художественных систем, эстетических парадигм в русской поэзии 1810–20-х гг. Н.Е. Никонова (Томск, ТГУ) остановилась на историко-культурной и собственно литературной деятельности членов другой знаменитой семьи того времени – Тургеневых, – представленной именами отца, Ивана Петровича, и его сыновей Андрея, Александра и Николая. Н.Е. Разумова (Томск, ТГПУ), основываясь на материале творчества Федора Федоровича Тютчева – сына великого поэта, – размышляла о соотношении современной массовой литературы с беллетристикой, которую он на рубеже XIX–XX вв. представлял своими многочисленными произведениями. О.Б. Кафанова (Томск, ТГУ) анализировала судьбу еще одной «литературной» семьи: писательницы Елены Ган, получившей известность в качестве «русской Жорж Санд», «пионерки феминизма в России», и ее двух дочерей – Елены Блаватской и Веры Желиховской, – также оставивших след в русской (и не только русской) культуре. Гендерная проблематика, затронутая в этом докладе, была органично продолжена Ю.Ю. Афанасьевой (Томск, ТГПУ), сопоставившей образы сумасшедших героинь в про-

изведениях Е. Ган и М. Жуковой, и С.В. Татаркиной (Томск, ТГПУ), на материале специфической топологии женской прозы XIX в. размышлявшей о положении женщины-писательницы в «мужской» культуре.

В докладах И.И. Середенко (Томск, ТГПУ) «Виды и функции воспоминаний детства в произведениях русских писателей» и Е.А. Макаровой (Томск, ТГУ) «Проблема памяти в дневниковой и эпистолярной прозе В.Г. Короленко» проблема памяти предстала в разных аспектах, связывающих художественное творчество не только с религиозно-нравственными, но и с научно-философскими исканиями двух эпох – XIX в. и первых десятилетий XX в.

На секции «**Международные связи русской литературы**» в центре внимания были проблемы поэтического перевода. Были заслушаны доклады О.В. Малышевой (Томск, ТГУ) «К. Бальмонт – переводчик Э.Т.А. Гофмана», В.А. Шилько (Томск, ТГУ) «Поэзия П.Б. Шелли в рецепции К. Бальмонта», Ю.Н. Жихаревой (Томск, ТГПУ) «Лирика Байрона в переводах В. Брюсова», А.М. Жигалкиной (Томск, ТПУ) «“Цветы зла” Ш. Бодлера в переводе Эллы», Ю.А. Бахновой (Томск, ТГПУ) «О. Уайльд в переводах поэтов Серебряного века», К.В. Раутер (Томск, ТГПУ) «Лирика У. Блейка в переводах С. Маршака», Т.Г. Антонюк (Томск, ТГПУ) «Лирика А. Ахматовой в английских переводах».

Разнообразные аспекты творческой рецепции иноязычных литературных явлений русскими писателями XIX – начала XX вв. и, наоборот, восприятия русской литературы за рубежом были освещены в докладах Т.Г. Токаревой (Томск, ТГПУ) «Образ замка в английском готическом романе и его трансформация в русской прозе первой трети XIX века», И.Ф. Гнюсовой (Томск, ТГУ) «Л. Толстой и У.М. Теккерей: проблема автопсихологизма», Л.Г. Малышевой (Томск, ТГПУ) «Фаустовский мотив в романе В.Я. Брюсова “Огненный ангел”», А.Н. Кошечко (Томск, ТГПУ) «Проблема преступления и наказания в романах Ф.М. Достоевского и А. Камю (“Преступление и наказание” и “Посторонний”», А.Г. Коноваленко (Томск, ТГУ) «Образы и мотивы Э. По в сборнике В. Брюсова “Земная ось”».

Ряд выступлений был посвящен проблемам рецепции драмы и театра. В докладе Ю.Ю. Власовой (Томск, ТГПУ) была проанализирована русская критическая рецепция пьесы Г. Гауптмана «Одинокие» на рубеже XIX–XX вв. Е.А. Адам (Томск, ТГПУ) в докладе «Динамика “образа Чехова” в немецкой рецепции» показала изменение восприятия Чехова-драматурга в Германии XX в. В двух докладах были представлены эпизоды театрально-культурной жизни Томска на рубеже XIX–XX вв. в освещении местной прессы: так, выступление

Д.В. Лобачевой (Томск, ТГУ) было посвящено драме Ф. Шиллера «Разбойники» на страницах томской периодики, а Д.А. Олицкая (Томск, ТГУ) рассказала о судьбе постановок на томской сцене пьесы «Родина» знаменитого немецкого драматурга того времени Г. Зудермана.

Доклады, прозвучавшие на **секции «Русская литература XX века: поиск нового языка»**, свидетельствуют об актуализации проблемы языка литературы, проявления в творчестве авторов XX в. контекста классической культуры, разнообразных трансформаций архаических культурных моделей. В одних случаях эта тенденция обнаруживалась как сквозной «сюжет» в общем движении литературы, в других проявлялась – крупным планом, в масштабах одного произведения. Прослушанные доклады давали основание видеть, что работающие независимо друг от друга исследователи находят общие линии поисков, общие «сложно наследуемые признаки» в качестве опорных в произведениях разных авторов.

В коллективном докладе *Н.В. Покатиловой, Л.И. Румянцевой, А.И. Ощепковой* (Улан-Удэ) «Трансформация символистской поэтики в русской прозе 1910–1920 годов» в качестве одной из форм такой трансформации рассматривался мифологизм литературного текста. Целостность поэтической системы символизма, отмечали докладчики, начинает распадаться на ряд, казалось бы, не связанных между собой составляющих. Один из уровней, характеризующих отход от системы символизма, был обнаружен в обращении писателей к разным формам фольклорно-мифологической традиции, что, по сравнению с собственно символизмом, вело к кардинальным мировоззренческим сдвигам в сторону утери inferнальности, целостности поэтического видения. Поиски прозы этого времени, по мнению авторов доклада, направлены в целом на ее орнаментализацию, экспериментирование непосредственно с формой произведения, начиная с речевого уровня и заканчивая воссозданием жанровых моделей, восходящих к фольклорной традиции (сказка, притча, «посвятительный» миф).

М.Н. Климова (Томск, НБ ТГУ) представила на материале отечественной литературы нового и новейшего времени (от «Полтавы» А.С. Пушкина и «Страшной мести» Н.В. Гоголя до «Лолиты» В. Набокова и «Доктора Живаго» Б. Пастернака), как преобразуется один из древнейших сюжетов, выступающих в русской культуре в качестве мифа, история о колдуне и очарованной красавице, и тем самым наметила новые стратегии изучения этих произведений.

Молодые ученые свои аналитические возможности представили, как правило, в работе над текстом одного произведения. Так, в докладах *С.Г. Ко-*

магиной и *Я.В. Корольковой* (Томск, ТГПУ) объектом размышлений стал по-разному трансформированный миф о змеборстве. *С.Г. Комагина* показала, как проявляются черты хтонического существа в образе поезда на материале одного из наиболее спорных в литературоведении последних лет произведения – романа Н. Островского «Как закалялась сталь». *Я.В. Королькова* в поисках ответа на вопрос о причинах востребованности у подростков жанра фэнтези обратилась к анализу одного из наиболее читаемых произведений массовой литературы – к роману М. Семёновой «Волкодав» – и обнаружила в основе его сюжета своеобразное развертывание мотива змеборства. О мотивном комплексе как форме и способе проявления автора в эпической драме на материале пьесы-сказки Е. Шварца «Тень» размышляла *О.Н. Русанова* (Томск, ТГПУ), актуализируя целый «комплекс» проблем, касающихся, с одной стороны, представления о возможностях и функциях мотива в авторских произведениях, с другой – изучения действия в неклассических формах драмы XX в.

С драмой как материалом изучения были связаны еще два доклада – *М.Н. Рахвалова* (Кемерово) и *А.В. Щитова* (Томск, ТГПУ). Первый в докладе «Послание и письмо. Трансформация христианской культурной модели в пьесе Г. Горина “Дом, который построил Свифт”» анализировал действие пьесы очень популярного и совершенно не изученного автора, показав, как усилиями разных лиц создается в повторениях известное и проявлениях окказионального вся история; в самом типе подобного «письма» он обнаружил основания христианской культурной модели с ее бесконечными «переписываниями», толкованиями одного вечного, канонического текста. *А.В. Щитова* интересовала другая принципиальная возможность драмы как рода литературы – соотношение аудиального и визуального потенциала словесного текста; свои наблюдения он представил на материале пьесы М. Булгакова «Дни Турбиных».

В центре внимания *Г.А. Островатиковой* (Томск, ТГПУ), *И.В. Луниной* (Барнаул), *Е.В. Зоновой* (Киров) оказались новации повествования в мало изученных произведениях прозы середины 1920-х гг. *Г.А. Островатикова* размышляла о соотношении реального и вымышленного в повести Г. Белых и Л. Пантелеева «Республика ШКИД», *И.В. Лунина* сосредоточилась на соотношении разных уровней текста и принципах создания целого в новелле недавно опубликованного оригинальнейшего автора – К.Г. Кржижановского.

Самый молодой докладчик секции – пятикурсник Кемеровского госуниверситета *А.И. Смирнов* – рассматривал «Глоссологию» А. Белого как своеобразную поэму.

На втором заседании секции большая часть докладов была посвящена литературе русского зарубежья. В докладе *А.С. Сваровской* (Томск, ТГУ) были представлены антропологические и мифологические аспекты механизмов манипуляции власти общественным и индивидуальным сознанием, структура сознания носителей власти в прозе В. Набокова, М. Осоргина, М. Алданова 1920–30-х гг. *З.А. Чубракова* (Томск, ТГУ) говорила о реализации мифологемы сад / садовник в разных семантических пластах драмы Л. Леонова «Половчанские сады» (образ реальности 1930-х гг., социальный и онтологический мифы). *А.Е. Андреева* (Томск, ТГУ) анализировала сюжетный уровень, систему персонажей, топосы Петербурга / Берлина в романе В. Набокова «Король, дама, валет» в аспекте проблемы диалога с русской классической традицией, в частности с романом И.А. Гончарова «Обыкновенная история».

Темы двух докладов – *И.А. Петракова* (Омск) «Роман В. Набокова “Защита Лужина”: особенности организации сюжета» и *Е.В. Антошиной* (Томск, ТГУ) «Структура сюжета в романе В. Набокова “Защита Лужина”» оказались созвучны. В последнем освещалась проблема происхождения сюжета Набокова в контексте литературы сюрреализма и абсурда. В докладе *Е.А. Полевой* (Томск, ТГУ) рассматривался феномен исчезновения рефлексии главного героя в романе В. Набокова «Приглашение на казнь». Выявлению пародийных инвариантов сюжета «Аристократки» в произведениях С. Довлатова был посвящен доклад *Н.А. Комаровой* (Томск, ТОИПКРО).

Третье заседание секции «**Русская литература в XX веке: поиск нового языка**» было посвящено современному периоду. Постмодернистская проблема соотношения реальности и текстов о реальности в докладе *А.С. Климутинной* (Томск, ТГУ) была проанализирована на материале творчества современного прозаика А. Королёва. Использование фантастики у А. Королёва, с точки зрения докладчика, – это способ открытия иррациональности эмпирической реальности, что актуализирует проблему инобытия, проблему Бога как субъекта метафизической реальности. Анализ таких произведений, как «Голова Гоголя» и «Быть Босхом», позволил докладчику сделать вывод, что метафизика А. Королёва близка не религиозной, а экзистенциальной картине мира и выступает как метафизика сознания.

Ю.О. Чернявская (Томск, ТГПУ) в докладе «Система ценностей в современном детском детективе» представила современный детский детектив как жанр, развивающий традиции детской литературы советского периода, которая была идеологически ориентирована на социалистические ценности (А. Гайдар, А. Рыбаков). Вместе с тем детский

детектив был рассмотрен как «наследник» иерархии «вечных» ценностей (честности, дружбы, семьи). Противоречивый характер современного детского детектива автор доклада усматривает в том, что эти «вечные» ценности приходят в противоречие с новыми ценностными ориентирами, усвоенными благодаря детективу «взрослому», – деньги, успешность, карьера.

А.Г. Сидорова (Барнаул) предложила вниманию аудитории доклад «“Текст Баха” в современной прозе». Понятие «текст Баха» было интерпретировано в связи с представлением о том, что в формировании «автоконцепции» современного писателя важными являются не только формы литературного метадискурса, но и дискурса интермедиального (в частности, «письма музыкального»). Это позволило не только реконструировать «текст Баха» в произведениях современной прозы, но и выделить его пародийные (М. Исаев, А. Жолковский, Ю. Арабов) и «серьезные» (О. Ермаков, А. Ким) варианты.

На секции «**Художественные искания в русской поэзии XX века**» был представлен широкий спектр интересов ее участников. *И.В. Горбунова* (Томск, ТГУ) в докладе «Цикл М. Цветаевой “Двое”»: сюжет Трои» прослеживала формы присутствия античных топосов и персонажей (Троя, Ахиллес, Елена и другие), выявляла собственно мифологические и литературные (Гомер) источники поэтической образности. *Н.В. Дегтярева* (Томск, ТГУ) в своем исследовании «Поэтический диалог с Мандельштамом в зрелой лирике А. Ахматовой» рассматривала особенности акмеистского диалога. *А.Н. Губайдуллина* (Томск, ТГУ) в докладе «Преодоление постмодернизма в русской поэзии 1990-х годов» выявляла факторы телесности и материальности, позволяющие современным поэтам осмыслить свое существование как реальное.

Ряд докладов секции был посвящен художественным поискам русских поэтов, поэтике лирических и лироэпических жанров в контексте историко-литературного процесса XX в. В центре внимания большинства докладчиков было творчество поэтов Серебряного века. Четыре доклада посвящались творчеству А. Ахматовой. Так, в докладе *А.Е. Сискевич* (Томск, ТГПУ) «Образ Музы в творчестве А. Ахматовой» был представлен анализ образа Музы в аспекте ахматовской философско-поэтической концепции творчества как вдохновения и «наития» свыше. В докладе *Н.А. Шишкиной* (Томск, ТГПУ) «Театральные образы и мотивы в “Поэме без героя” А. Ахматовой» было отмечено влияние комедии dell'arte, театральных образов и мотивов Серебряного века (игра, маска, карнавал, зеркало и др.) на поэтику ахматовской поэмы. В докладе *Н.В. Дегтяревой* «Поэтический диалог с Мандельштамом в зрелой лирике А. Ахматовой»

были выявлены особенности диалога двух поэтов в аспекте акмеистской концепции диалогизма, актуализирующей категорию культурно-исторической памяти и проявляющейся в реминисцентном слое ахматовского текста, а также в авторском посвящении. Доклад *Т.Т. Уразаевой* (Томск, ТГПУ) «Лермонтовские образы и мотивы в творчестве А. Ахматовой» был посвящен анализу ориентальных мотивов, образу сна, памяти и прапамяти в лирике двух поэтов. В докладе *Ю.И. Кузиной* (Томск, ТПУ) «Египетская тема в лирике поэтов Серебряного века» была поставлена проблема восприятия древнеегипетской культуры в русской религиозно-философской критике и поэзии начала XX в. (*В. Брюсов, М. Кузмин, Н. Гумилёв, И. Бунин*). *Н.В. Налегач* (Кемерово) в докладе «“Старые эстонки” И. Анненского и “В мой мозг, в мой гордый мозг” Н. Гумилёва: к вопросу о возможной реминисценции» выявила в процессе сопоставительного анализа стихотворений двух поэтов реминисценцию из Анненского в тексте Гумилёва, которая была направлена на усиление социального звучания стихотворения младшего поэта.

Современной поэзии были посвящены два доклада. В выступлении *Н.В. Кононовой* (Рига) «Трансформация неоромантизма в лирике Булата Окуджавы» поэзия советского барда рассматривалась в аспекте неоромантизма, возродившего основные принципы и ценности романтического искусства (концепция красоты, духовности, неприятие мира пошлости и мещанства). Доклад *О.Н. Владимирова* (Новокузнецк) «Книга Юнны Морич “По закону – привет почтальону” как художественное целое» был посвящен исследованию важнейших составляющих художественного единства: сквозных образов и мотивов, цитат и автореминисценций, вариативного развития тем, рамочного комплекса и оформления книги.

Работа секции «**Проблемы преподавания литературы в вузе и школе**» была посвящена развитию профессиональной культуры учителя-словесника, существующего в условиях формирования открытого образовательного пространства. Обсуждение разворачивалось в нескольких направлениях.

Реализация культурологического подхода как возможность решать задачи профильного обучения в современной школе – так можно сформулировать суть выступлений первой группы учителей, аспирантов, преподавателей вузов. Докладчики обнаружили определенную общность в понимании того, как может быть организована работа с культурой как с содержанием образования. Они говорили о планировании своей работы, о необходимости учитывать не только требования программы, собственные образовательные возможности, но и запросы, интересы обучающихся. На этих основаниях проектировалось содер-

жание элективных курсов, реализация региональных компонентов (доклады *М.Ю. Тарасовой* (Новосибирск) «Роль пародии в изучении идиостиля писателя», *Т.А. Тужиковой* (Томск) «Изучение творчества Г.Г. Гребенщикова в школе в рамках профильного обучения», *О.Б. Буяновой* (Томск, ТГПУ) «Реализация культурологического в процессе изучения славянского фольклора в школе»).

Использование современных образовательных технологий, направленных на проявление, развитие субъектности обучающихся, стало темой обсуждения другой группы выступающих. В докладах *Л.Р. Безменовской* (Томск) «Проектное обучение и развитие речи учащихся», *И.И. Середенко* «Организация диалога на материале изучения классической литературы в средней школе», *Е.Е. Таран* (Томск) «Приемы организации диалога на уроке литературы» прозвучала мысль о том, что любая целесообразность использования образовательной технологии, результативность ее применения зависят от сформированности у педагога проектной компетенции. Говорили о его способностях проблематизировать учебную ситуацию, формулировать цели, задачи работы, выбирать из имеющегося арсенала образовательных технологий оптимально необходимую, осмысливать результаты ее использования.

Включение в учебный процесс информационных технологий в различных вариантах стало темой обсуждения третьей группы докладов. Об изменении в связи с ними традиционного урока шла речь в докладе *Ю.А. Науменко* (Томск, ТГПУ) «Современные подходы к использованию наглядности на уроках литературы». Использование ИТК – это путь к развитию технического мышления, литературоведческой, проектной, коммуникативной культуры учащихся; эту идею анализировала в своем сообщении *О.В. Бакуревич* (Томск), которая рассказала об использовании интернет-урока в обучении. О возможности включения ИКТ в образовательный процесс с различными целями (для профилизации учебной деятельности, организации различных видов контроля, элективных курсов) говорила в своем докладе *Т.Б. Данилова* (Томск, ТГПУ).

В целом работа секции была плодотворной: удалось уйти от репродуктивной ситуации представления докладов по тематическому принципу. Возникшее в процессе обсуждения проблемное пространство стало основой содержательного научно-го диалога.

Проблематика докладов, режим работы и организация конференции в целом вызвали удовлетворение собравшихся. Были высказаны благодарности организаторам и пожелание новой встречи в 2008 г.

А.С. Афанасьева, В.Е. Головчинер, Е.Н. Ковалевская, Н.Е. Разумова, Т.Т. Уразаева, Ю.О. Чернявская

ТЕАТРАЛЬНАЯ КРИТИКА КАК РЕЦЕПЦИЯ ДРАМЫ 1920-Х ГОДОВ¹

Следует согласиться с Марией Александровной Мироновой в том, что рецепция художественного текста входит в число самых актуальных и, следует добавить, – перспективных проблем современного литературоведения. «Неклассическая», тем более «постнеклассическая», парадигма научного знания (воспользуемся терминологией философов) признает важность для получения результатов не только исследования самого по себе объекта, но и личности исследователя и выбора им «средств» получения результата. Экстраполируя эти установки на ситуацию обсуждения диссертации Марии Александровны Мироновой «Театральная критика 1920-х годов: рецепция пьес Н. Эрсмана “Мандат” и М. Булгакова “Дни Турбиных”», можно говорить о целом ряде аспектов, свидетельствующих о ее актуальности, о значимости собранного материала, о принципиальной новизне подходов к его осмыслению и, тем самым, – к творчеству самых ярких, талантливых отечественных драматургов и критиков 1920-х гг.

М. Булгакова не раз соотносили с А.П. Чеховым. Уже названием одного из своих первенцев владикавказской поры М. Булгаков подсказывал такую возможность: «Дни Турбиных» восходят к пьесе «Братья Турбины», которая акцентом на степени родства героев в заглавии указывает на связь с «Тремя сестрами». «Мандат» Н. Эрсмана первый его постановщик – гениальный режиссер Вс. Мейерхольд, мнению которого нельзя не доверять, – оценил как развитие «основной линии русской драматургии – Гоголя, Сухово-Кобылина». Феноменальный успех первых постановок этих пьес на сценах прославленных, разных по направлению эстетических поисков театров, известность, в одночасье пришедшая к молодым авторам, – все оказалось перечеркнуто в политических условиях сталинского правления. После бурных обсуждений, шквала рецензий – обе пьесы оказались в центре внимания критиков всех существовавших тогда изданий, творческих объединений и взявших на себя обязанность воспитания интеллигенции пролетарских групп – изоляция авторов (для одного – в прямом, для другого – в переносном смысле), запрет на постановку и публикацию произведений, казалось, не дают никаких шансов на их возвращение к читателю и зрителю.

Первым и долго единственным литературоведом, включившим драматургию Н. Эрсмана в поле

своих исследовательских интересов в пору запрещения лучших произведений этого автора, был томский ученый Н.Н. Киселёв. Он заинтересовался пьесами «Мандат» и «Самоубийца» в конце 1960-х гг., когда они не были опубликованы, и цитировать их приходилось по материалам ЦГАЛИ (ныне – РГАЛИ). Следует отметить, что статью Н.Н. Киселёва о пьесе «Самоубийца» постигла ее судьба: едва успели разослать сигнальные экземпляры 77-го тома Ученых записок Томского государственного университета за 1969 г. по обязательным адресам, как пришло цензурное указание изъять тираж. Понадобились длительные переговоры, чтобы этот том все-таки вышел, но основная часть тиража – уже без публикаций статьи о «Самоубийце», ее вырезали, заменили другой, более безобидной, с точки зрения цензуры (хотя в главной библиотеке страны и ряде других центральных хранилищ можно найти соответствующий том в первом его варианте). Тем не менее Н.Н. Киселёв ввел в сокращенном виде материал о драматургии Н. Эрсмана (о «Мандате» прежде всего) в монографию «Проблемы советской комедии», вышедшую в Томске в 1973 г. Жаль, что статьи Н.Н. Киселёва «Вокруг «Мандата» и «Дискуссия о советской сатире в литературной и театральной критике 20-х годов» из указанного тома Ученых записок ТГУ 1969 г. не попали в поле зрения молодого ученого, как и выполненная под его (Н.Н. Киселёва) руководством кандидатская диссертация Т.Л. Воробьевой «Комедия 1920-х годов в рецептивном аспекте» (1998 г.); они могли дать дополнительный импульс автору обсуждаемого исследования или возможность полемики.

К чести диссертанта, это практически единственный упрек, который я могу сделать по ее работе.

Она далеко ушла в исследовании не только от названных предшественников, но и многих других, последовавших по времени за ними. Перед литературоведами, первыми обратившимися к осмыслению драматургии М. Булгакова и Н. Эрсмана, стояли задачи показать ущербность позиций их противников, несправедливость политических обвинений и представить, насколько это было возможно с учетом социокультурной ситуации, художественное своеобразие их произведений. М.Н. Миронова с учетом достигнутого в булгаковедении и эрсмановедении осмысливает

¹ Отзыв официального оппонента на диссертацию М.А. Мироновой «Театральная критика 1920-х годов: рецепция пьес Н. Эрсмана “Мандат” и М. Булгакова “Дни Турбиных”», представленную на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература в диссертационном совете Д.501.001.32 при Московском государственном университете. Защита состоялась 14.12.2006 г.

материалы журналистики 1920-х гг., решает новые и более сложные задачи.

Объектом ее исследования стало обширное поле театральной периодики 1920-х гг. И научная ценность настоящей работы определяется не только тем, что впервые в недоступном прежде объеме и с не реализованной прежде тщательностью собран, осмыслен огромный материал дискуссий, рецензий (а по количеству театральных изданий, отделов в неспециализированных органах печати с 1920-ми гг. не может сравниться ни одна другая пора в России), но с тем, что этот материал представлен в новой системе.

До сих пор осмысление критики 1920-х гг. в истории литературы осуществлялось преимущественно в связи с манифестами и практикой множества литературных объединений и групп (в том числе в учебнике «История русской литературной критики» под ред. В.В. Прозорова 2002 г.), а в театроведении – с теми или иными театральными предпочтениями критиков, как правило, тогда полярными: с ориентацией одних критиков на идеи «Театрального Октября», вдохновителем которых был В. Мейерхольд, других – на традиции МХАТ, традиции психологического театра, «аков» – «академических» театров, как их определяли сторонники «Левого Фронта». Уходя от чрезмерной дробности существующих систематизаций, М.Н. Миронова предлагает свою – с более крупными блоками, и думается, не только для ее целей более релевантную. Мне представляется ее позиция чрезвычайно продуктивной. Она не заявляет о своей системе как «единственно» правильной, она создает одну в соответствии с имеющимся материалом во второй главе, посвященной проблемам восприятия и интерпретации «Мандата», и существенно корректирует ее в третьей главе, так как материал театральной критики по «Дням Турбиных» требовал этого. В третьей главе сохраняется как принципиально важное психологическое направление интерпретации пьесы. Раздел о нем с двух сторон поддерживают разделы с представлением тех, кто видел в пьесе, дискредитацию белогвардейского движения, и тех, кто находил в ней его апологию.

Таким образом, в диссертации представлен в значительной мере новый, обширный материал газетных и журнальных публикаций, культура описания которого свидетельствует о хороших аналитических навыках работы ее автора с разного рода текстами, об умении мыслить системно, излагать убедительно и аргументированно. Думается, выделение в качестве основания не групповых ориентиров разных литературных или театральных выступлений, а поиск заинтересованным в своем предмете исследователем близких, по сути, при-

нципов, подходов – *направлений, тенденций* обогащает, структурирует современное представление о художественной жизни середины 1920-х гг. и ее осещении в прессе.

Столь серьезный результат обеспечен хорошей историко-литературной и театроведческой базой, представленной в первой главе. Легко, свободно, что является следствием владения материалом, излагает М.Н. Миронова в первой главе основания своей концепции: пишет о значимости для искусства театра европейской традиции института режиссуры, о появлении его именно в отечественной культуре, о критике как сфере профессиональной деятельности и критиках. Казалось бы, пишет о явлениях, в общем известных, но исподволь вырисовывается совершенно самостоятельная логика и концепция ее работы. Молодой ученый находит убедительные основания для утверждения, что наиболее значительные явления в театральной критике 1920-х гг. вырастают, если не прямо на достижениях, открытиях наиболее заметных театроведческих школ, то в сфере их большего или меньшего притяжения. Эта мысль о связи литературной и театральной критики впервые так четко осознается и четко формулируется диссертантом, не случайно она определила первое положение среди выносимых на защиту.

Следует отметить, что все обозначенные положения (а их четыре) оказались подтверждены в процессе изложения материала исследования, что все они имеют научную и практическую ценность: могут помочь в воспитании исследователя драмы и театрального критика, журналиста. Всей логикой своей работы диссертант убеждает, что режиссерская интерпретация пьесы, ее воплощение на сцене должны пониматься как своеобразная «первая» рецепция (или одна из рецепций) драматического произведения, что она-то чаще всего и становится объектом театральной рефлексии рецензента.

Анализ дискуссий по поводу «Мандата» и «Белой гвардии» показал разные пути и принципы освоения профессиональными театральными критиками, журналистами этих явлений; они осознаются сегодня как события не только культурной жизни столицы России 1920-х гг., истории мирового театра, но и отечественной журналистики. В одних случаях, убедительно показывает диссертант, имело место стремление с использованием аналитического инструментария (что особенно характерно и продуктивно в деятельности формального направления: А. Гвоздева и др.) «доказать отличие замысла драматурга от замысла режиссера», т.е. речь, действительно, может идти о серьезной аналитической рецепции. В других случаях (это касается «Дней Турбиных») одобрение и неприятие возникли на разной основе, но определяющими в це-

лом ряде выступлений были социально-политические, «вкусовые» установки журналистов-дилетантов.

Было бы интересно сопоставить, объяснить разницу восприятий обеих пьес после второго их пришествия на сцену: что нового, особенного открыли режиссеры и критики в постановках «Белой гвардии» после ее публикации в начале 1960-х гг. и «Мандата» в конце 1980-х, в 1990-е гг. Что отличает восприятие в прессе постановок этих пьес за рубежом от рецепции спектаклей, осуществленных в те же годы на родине авторов? Что может стать основанием систематизации этого материала? Впрочем, понятно, что эти вопросы выходят за рамки целей и задач, поставленных в диссертационном сочинении М.Н. Мироновой, и могут рассматриваться лишь как намечающие его перспективу, тем более что монографические работы Д. Фридмана и А. Готцес, приводящие обширный материал по восприятию пьес Эрдмана англо- и немецкоязычной прессе, диссертанту известны.

Знакомство с работой М.А. Мироновой позволяет говорить о ней как о самостоятельном, целост-

ном, завершеном исследовании важнейших страниц отечественной литературы и журналистики, открывающем горизонты нового их понимания прежде всего для рецептивных аспектов ее изучения. Эта работа отмечена высоким аналитическим уровнем исследования, достоверностью полученных результатов и практической их значимостью: каждая глава демонстрирует самостоятельно выработанные подходы к литературному произведению и театральному его воплощению как своеобразной его рецепции, а также и к каждому направлению театральной критики в связи с его спецификой. Публикации и автореферат адекватно отражают содержание диссертации.

Все сказанное является основанием для конечного вывода отзыва: диссертация и автореферат соответствуют требованиям Положения о порядке присуждения ученых степеней (п. 8), а М.А. Миронова достойна присвоения ей ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература и специализации 10.01.10 – журналистика.

В.Е. Головчинер

АТМОСФЕРА В ДРАМЕ 1970–80-Х ГОДОВ КАК ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ¹

Актуальность и практическая ценность представленного в диссертационной работе Ольги Юрьевны Багдасарян исследования определяются, на мой взгляд, двумя принципиально важными для современного литературоведения моментами.

Во-первых, выбором объекта исследования. В этом качестве предстала отечественная драма 1970–80-х гг., которую по прошествии времени уже можно рассматривать, с одной стороны, в масштабе «большого времени» (М. Бахтин), в сложнаследуемых признаках разных эстетических систем XX в., с другой стороны, как явление, непосредственно предшествовавшее новейшей драматургической практике послеперестроечной поры. Следует заметить: большая часть разработок, привлекающих внимание методик, путей анализа художественного текста сегодня ориентирована на работу с прозой и стихами. Не только из солидных, обобщающих трудов последних лет по родам и жанрам литературы (например, ИМЛИ), но даже из вузовских учебников, учебных пособий по истории русской литературы исчезают разделы о драме (см.: «Историю русской литературы первой половины XX в. (советский период)» В.В. Мусатова, 2001 г.). И это несмотря на

серьезность исканий в драматической литературе XX в., о чем свидетельствуют произведения А.П. Чехова, М. Горького, Л. Андреева, А. Блока, М. Цветаевой, А. Платонова, В. Маяковского, Н. Эрдмана, М. Булгакова, Е. Шварца, Л. Леонова; заметим, что искушение драмой и театром испытали почти все крупные представители символизма, акмеизма, футуризма, ОБЭРИУ и т.д. Множество имен интереснейших драматургов дала вторая половина XX в. (своеобразный опыт в драматическом роде оставил, например, лауреат Нобелевской премии И. Бродский). Творчество этих и других драматических авторов стало основанием новаций русских режиссеров, определивших пути развития мирового театра, получивших мировую известность (К.С. Станиславского, В.И. Немировича-Данченко, Вс.Э. Мейерхольда, В.Я. Таирова, Ю. Любимова, А. Шапиро, Л. Додина, К. Гинкаса и др.) Все это свидетельствует о том, что драма действительно требует осмысления ее родовой специфики с учетом изменений в аспекте исторической поэтики, в парадигмах современной науки. К сожалению, количество (о качестве не говорю) исследований этой области художественного творчества совершенно не отвечает на-

¹ Отзыв официального оппонента на диссертацию О.Ю. Багдасарян «Поствампилловская драматургия: поэтика атмосферы», представленную на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература, в диссертационном совете Д.212.283.01 при Уральском государственном педагогическом университете. Защита состоялась 20.12.2006 г.